

ЭО, 2010 г., № 2

© Р.К. Уразманова

**СИМБИОЗ ЭТНИЧЕСКОГО
И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО
В СОВРЕМЕННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ
ТАТАР**

“Собственно гражданское общество не может состояться помимо набирающей силу религии”.

А. Малащенко

Ключевые слова: праздник, ислам, поклонение, святой, священный, жертвоприношение, покаяние, духовенство, ритуал, мусульмане, воссоединение, заповедник, намаз, ярмарка

По справедливому замечанию К. Мацузато, “исследование российского ислама неминуемо становится изучением политики как таковой. Вероятно, поэтому ислам в России превратился в столь привлекательный объект исследования для политологов” (Мацузато 2007: 12). Действительно, начиная с 1990-х годов появилось довольно много публикаций с обстоятельным анализом состояния ислама в XX в., его места и роли в общественной и политической жизни татар и Татарстана, организационно-структурного оформления мусульман региона, удач и неудач “реисламизации” татар постсоветского времени (Юнусова 1999; Мухаметшин 2003; Якупов 2005; Мусина 2001а; Мухарямов 2003). И при такой социолого-политологической направленности изучения исследователи отмечают, что сегодня для основной массы верующих ислам является системой обычаев и обрядов, воспринимаемых довольно упрощенно, и элементом национального самосознания (Мухаметшин 2006: 106). Правда, констатацией этого все и ограничивается.

Этнографические исследования традиционного быта свидетельствуют о том, что так было и в прошлом. А в научной литературе 1970–1980-х годов даже появился термин “обрядовере”, довольно точно отражающий суть религиозности населения. Следует отметить, что у татар это выражалось не в сохранении исполнения обязательных для каждого мусульманина обрядов богопоклонения, таких как намаз, ураза, корбан чалу и др. Исследования тех лет показывали, что регулярно исполнявших эти обряды становилось все меньше (Уразманова 2000: 130–134; Мусина 2001б: 300–301). А выезд в Мекку для совершения хаджа, и в дореволюционном прошлом затрудненный географической удаленностью, а потому требующий больших материальных, духовных, физических затрат, в советские годы был практически невозможен, в том числе из-за отсутствия дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией.

Из общественной жизни татар ушло и празднование двух главных исламских праздников – *Корбан гаете* и *Ураза гаете*. Стойкость в сохранении исполнения отдельных предписаний ислама наблюдалась в структуре ритуалов трансформирующихся семейно-бытовых обрядов и праздников, проводимых в домашних условиях, таких как *никах*, *исем кушу*, похоронно-поминальной обрядности. Снятие запрета на религию в постсоветское время сделало их еще более массовыми, а главное – “публичными” (Татары 2001: 272–375). Переполненные людьми мечети и прилегающие к ним территории в дни главных исламских праздников, которые мы повсеместно наблюдаем в последние годы, – не только акт богопоклонения, но и своеобразной демонстрацией причастности к “своей религии” – исламу.

Рауфа Каримовна Уразманова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; e-mail: res40rt@mail.ru

Дающими возможность именно такой демонстрации причастности к исламу в постсоветский период становятся знаменитые археологические памятники – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (БГИАЗ) и Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник, расположенные в Западном Закамье, в Спасском и Алексеевском районах Татарстана.

Сначала немного истории. Не канонизированные официальной религией, богословами, но превращенные “простым” народом в места почитания отдельные природные объекты – вершины гор, деревья, источники, древние могилы – были всегда. Они наделялись особыми свойствами, как правило, помогающими избавиться от различных недугов (у каждого объекта имелась своя специализация). Ввиду этого большинство из них являлись местом индивидуального, нередко тайного поклонения, и лишь экстраординарные события – мор, засуха и т.п. – служили поводом для коллективного действия. В их ритуале обязательны молитвы – *дога*, которыми служат различные суры Корана. Население воспринимало их и относилось к ним как к мусульманским святыням. Такие почитаемые объекты в том или ином количестве и качестве встречались практически во всех регионах проживания татар (Юнусова 1999: 233; Татары: 370–371; Загарова 2007: 4–6; Шарифуллина 2007: 91–98).

Наиболее известными были расположенные на древней болгарской земле. Это сами развалины древнего города Булгар и расположенные возле Билярского городища *Хужсалар тавы* – “Гора хозяев” и знаменитый “Святой ключ”. Еще в 1920-е годы Ф.В. Тарзиманов и А. Рахим отмечали, что сюда приезжают обычно в среду и четверг не только из окрестных мест, но подчас издалека и даже из Казани, – больше люди состоятельные, однако бывают и бедняки, татары-мусульмане, кряшены и чувашы. «Сначала читают “Ясин” и берут воду из источников. Затем на берегу реки колят жертвенных животных – овец, баранов и коз, а кто победнее – гусей, уток, петухов и кур, смотря по состоянию... После трапезы мужчины идут молиться к могилам, женщины остаются и молятся про себя. По временам здесь совершаются и общественные молитвы (джамаат намазы), после чего произносятся проповеди. По установившемуся поверью жертвоприношения и моления могут совершаться только мусульманами; поэтому чувашы и кряшены участвуют пассивно, поручая все эти действия за известное вознаграждение “суфиям”, специально этим промысляющим... “Суфии” – это местные профессиональные отправители культа, слепцы и калеки. Они знают очень много легенд о местных святых и умеют красиво и увлекательно рассказывать их», – отмечали исследователи тех лет (Тарзиманов, Рахим 1928: 174–179). Интересно отметить, что еще в XVIII в. некоторые авторы подчеркивали: “Магометанцы не только здесь живущие, но и башкиры из отдаленных мест съезжаются летом к сим развалинам, признавая их местами священными” (напр.: Рычков 1770: 21).

У присутствующих было четкое осознание того, для чего все это делается: «этим жертвоприношением у “ходжей” испрашивается помощь»; “остатки (пищи после трапезы. – Р.У.) распределяются между бедными. По поверью ничего из привезенного обратно везти нельзя: большой грех”; “вода из этих источников считается целебной. Сюда приезжают лечиться от различных болезней”; «люди, берущие воду, должны бросить туда кусочки тряпок, вырванные из одежды, в противном случае их будут “хватать” святые и они захворают». Так писали Ф.В. Тарзиманов и А. Рахим.

Годы государственного атеизма и борьбы с религией, ее “пережитками”, естественно, не прошли бесследно: к 1990-м годам традиция посещения этих “святых” практически исчезла – не стало суфиев, а редкие посетители тех мест не афишировали свои действия.

Картина резко изменилась в постсоветское время. Толчком послужило отпразднованное летом 1989 г. по инициативе Духовного управления мусульман и его муфтия Т. Таджутдина 1100-летие официального принятия ислама Волжской Булгарией. Впервые тысячи людей из разных регионов России, преодолев немалый путь, одновремен-

но собрались на территории Болгарского заповедника. Кульминационным моментом был коллективный намаз, посвященный этой исторической дате, предкам, похороненным на данной земле, и покоянию – *тэубэ* – за все пригрешения перед их памятью.

Начиная с этого года, несмотря (а, может быть, вопреки!) на все раздоры, противоречия и разногласия (они происходили в последующие годы по инициативе и при активном участии “молодого духовенства” и привели в конечном итоге к разделу единого Центрального духовного управления мусульман – ЦДУМ – на множество региональных), Т. Таджутдин ежегодно в июне упорно продолжал собирать мусульман, съезжавшихся сюда под руководством муфтиев и имамов, организационно сохранивших свое подчинение ЦДУМ. Постепенно сложился ритуал праздника. Главными оставались его проповедь – *вэгазь*, посвященная исторической памяти (за ней закрепился термин *тэубэ*¹), и место проведения – территория возле Малого минарета, к которому под зелеными исламскими стягами стекались с мест стоянок автобусов сотни людей, скандируя слова такбира² – “*Аллаху акбэр!*”. Кульминацией же является коллективный полуденный намаз на месте фундамента Соборной мечети, производящий на присутствующих неизгладимое впечатление, не в последнюю очередь своей массовостью.

Одна из улиц русского села превращалась в настоящую ярмарку, где шла бойкая распродажа не только исламской атрибутики (четки, молитвенные коврики – *намазлык*, религиозные книги, брошюры, платки, тубетейки, платья и т.п.), но и другого ширпотреба; продуктов питания, в том числе конских колбас – *казылык*, привезенных из татарских деревень Мордовии, Пензенской, Нижегородской областей, издавна славившихся их производством, а также чакчака и т.д.

Многие приезжали накануне, привозя с собой все необходимое для ночлега и питания, вплоть до дров, чтобы затопить очаг, и углей, чтобы вскипятить чай в самоваре. Везли с собой овцу для жертвоприношения – *корбан* и для приготовления горячего обеда – *халяль ризык*. Или покупали в тех же целях овец в близлежащих деревнях.

Инициативу мусульманского воссоединения (речь идет о татарах) взял на себя Исполком Всемирного конгресса татар. Первым актом было открытие в июне 2005 г. в Казани мечети Кул Шариф, на которое были приглашены почти все мусульманские лидеры. Личная встреча Т. Таджутдина с Р. Гайнутдином, состоявшаяся в дни торжеств, привела к учреждению Комиссии по религиозным вопросам при Исполкоме Всемирного конгресса татар.

Вторым по значимости объединительным актом по инициативе Исполкома стало участие с 2006 г. в празднике на Болгарской земле наряду с ЦДУМ России (Т. Таджуддин, г. Уфа) Совета муфтиев России (Р. Гайнутдин, г. Москва) и ДУМ Республики Татарстан (Г. Исхаков, г. Казань). Конгресс взял на себя организацию “культурной программы”, тем самым внеся существенные изменения не только во внешнюю форму события, но и в его суть.

Во-первых, это расширило представительность. Намного увеличилось число участников. Организаторами на местах стали как муфтии, так и руководители татарских, иногда татаро-башкирских культурных общественных центров различных регионов России. По сведениям СМИ, различных сайтов и по моим наблюдениям 2007 г., среди приехавших на этот форум были люди и верующие, и “открывающие” для себя “свою историю”, культуру. Например, в большом автобусе, прибывшем из г. Кирова, лишь четыре человека умели совершать намаз. Следует отметить, что основная масса участников – из-за пределов Татарстана – со всего Урало-Поволжского региона, из соседних республик и областей, включая Челябинскую, Астраханскую, Нижегородскую, Пензенскую и др.

Во-вторых, праздник трактовался не столько как включение татар в мировую мусульманскую умму, а как долгожданное объединение, согласованное действие всех муфтиятов в интересах татарского народа. Правда, участие Совета муфтиев России и ДУМ РТ пока ограничилось лишь представительской функцией.

Вместе с тем этот новый праздник заслуживает серьезного внимания всех без исключения устроителей, объявивших об этом: руководителей и муфтиятов, Исполкома конгресса татар и местной власти, ибо празднество действительно привлекает большое количество людей³. Наблюдалась полная неосведомленность прибывавших о программе торжеств – месте, времени и конкретных мероприятиях. Десятки автобусов, подъезжавших в один из июньских дней 2007 г., с трудом находили место для парковки, так как прилегающая к заповеднику территория уже была занята прибывшими накануне людьми с очагами для приготовления пищи. Пассажиры, выходя из автобусов, наугад шли к месту проведения праздника: нигде не было видно броских указателей маршрутов передвижения по территории заповедника.

Появление концертной программы обогатило празднество, сделало его более эмоциональным. Многие с удовольствием слушали выступления артистов, умелых исполнителей мунаджатов⁴, писателей, известных политиков. Выстроились очереди из желающих подняться на минарет, посетить музей, послушать обзорные лекции экскурсоводов по археологическим памятникам заповедника. Правда, музыка с концерта, заглушавшая проповедь “тэубэ” возле Малого минарета (она стала уже традиционной и в 2007 г. проводилась в 18-й раз!), вызвала недоумение и определенный дискомфорт у слушателей.

Неловкость несколько сгладилась, когда после завершения “тэубэ” представители духовенства во главе с Т. Таджудином, председатель Всемирного конгресса татар и глава администрации Спасского р-на поднялись на сцену с заключительными словами. Лейтмотивом их выступления был призыв к объединению татар с целью сохранения языка, культуры, духовности, религии. Во имя всего этого последовало приглашение на полуденный намаз. Данный коллективный намаз (“коллективное действо”) явился кульминационным моментом праздника: все затихли, прекратилось хождение людей по территории заповедника. Большинство присутствовавших выстроилось для совершения намаза. Остальные маленькими группами или поодиночке наблюдали со стороны. Повторюсь, огромное пространство, заполненное стройными рядами тысяч людей, совершающих одновременные движения намаза, представляло впечатляющее зрелище. Об этом говорили не только участники, но и другие присутствовавшие на празднике.

В июне 2009 г. праздник был юбилейным – отмечалось 1120-летие официального принятия ислама Волжской Булгарией. Возможно, это помогло надлежащим образом обустроить территорию: маршруты (тропы) передвижения “паломников” асфальтировали. Это не просто облегчило перемещение – тропы стали своеобразными указателями расположения археологических памятников. По периметру территории заповедника были установлены биотуалеты, а для совершения омовения перед намазом помимо привезенных емкостей с водой провели водопровод с достаточным количеством кранов. Возле них было оборудовано большое количество временных кабинок с настилом из досок, вполне удобных для этой процедуры.

Еще более масштабной оказалась праздничная ярмарка, на которой заметно увеличилось количество продавцов “исламского ширпотреба”, привезенного из Турции, арабских стран, – одежда для женщин, головные уборы, атрибутика и т.д., вплоть до “тминного масла” египетского производства, по словам активно рекламировавших товар молодых людей, “упоминаемого в хадисах Пророка и исцеляющего от всех болезней, кроме смерти”.

Не менее активно работали сотрудники Межрегионального паломнического центра “Идель-Хадж”, которые помимо всего прочего распространяли брошюру “Хадж, Умра, мусульманский отдых. Твоя дорога в Мекку”.

А вот листовки общественной организации “Булгарская община” с копией сообщения заместителя руководителя Федеральной службы государственной статистики (Росстата) от 9 декабря 2008 г. о том, что в проекте “Словаря национальностей” для

официального опубликования данных Всероссийской переписи населения 2010 г. (разработан по заказу Росстата Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) болгары выделены в качестве самостоятельной национальности (в сообщении была и просьба «правильно указать свою национальную принадлежность: мужчины – “булгар”, женщины “булгарка”»), не имели никакого резонанса: ни дебатов, ни разъяснительных акций никто не устраивал. В 2007 г. я видела мужчин, убежденно призывавших не предавать память предков и называть себя булгарами.

Упорядочен и сценарий: согласно ему, появилось “официальное открытие праздника” в виде приветствий от имени президента и правительства Татарстана, Всемирного конгресса татар, администрации района, представителя Турции и др. Завершал приветствия муфтий ЦДУМ Т. Таджуддин, по праву воспринимаемый большинством присутствовавших как человек, чье слово для них наиболее весомо. Суть его короткого приветствия сводилась к следующему: не ограничиваясь намазом в своих домах, люди ежегодно приезжают сюда воздать коллективную молитву Всевышнему, вспомнить и помолиться о погребенных на этой земле. Пригласив следовать за ним, он “увел” основную массу собравшихся у концертной площадки к Малому минарету на проповедь “тзубэ”.

Таким образом, в общественной жизни татар складывается своеобразное новое явление, в основе которого некий симбиоз религиозного и светского. Новизна, необычность в данном случае в первую очередь заключается в том, что это не “подаренный” государством, не по инициативе и участии его органов организуемый праздник. Он возник стихийно, на волне актуализации исторической памяти народа в результате обострения вопросов этнокультурной идентификации, с ее получившей, наконец, признание религиозной составляющей.

Упорство руководителей Духовного управления мусульман (г. Уфа), а главное – ежегодное участие в празднике желающих “по движению души” из “простого” народа, подключение к его организации Всемирного конгресса татар и муфтиятов, 20 лет регулярного проведения дают основания говорить о традиционности указанного праздника. Произошло, по существу, переосмысление не только целей, но и сути посещения “святых”, испокон веков характерных для всего тюрко-мусульманского мира (*Басилов 1970; Басилов, Снесарев 1986; Сызранов 2006; Рахимов 2006*).

Имена конкретных “святых”, объектов “святости” в данном случае заменились расширительным понятием *Изге Болгар*, которое может означать как “святое”, “священное” название конкретного места, так и напоминание об истории предков татарского народа. Нередко в название праздника добавляется слово *джеиен* – *Изге Болгар жыены*, которое также имеет ряд значений. Это и древний общественный институт родственных связей (Татары Среднего... 1967: 196–204), и народный праздник казанских татар (*Уразманова 2001: 70–84*), и народный сход, собрание, люди одного рода, община (Татарско-русский... 2007: 407). “*Появилась возможность приобщиться к этой земле, истории татарского народа, его духовной культуре через религию. Там есть моменты, где читают молитвы, место, где исполняют традиционные баиты, мунаджаты и народные песни. Все это там совсем по-иному звучит и воспринимается при большом стечении народа. Все это имеет огромное воспитывающее значение*”⁵. Даже “специализированность” ярмарки, устраиваемой на улице села, на которую со своим товаром прибывают из многих регионов России, придает своеобразие празднику.

Другим возрожденным для посещения “святым” местом стал так называемый “Святой ключ” в Алексеевском р-не Татарстана (Биллярский музей-заповедник). В его возрождение большую лепту внесла компания “Татнефть”, кстати, по своей экологической программе вернувшая в нормальное состояние не одну сотню родников. Компания взяла на себя дорогостоящее обустройство территории комплекса, включая знаменитую “Гору святых” – “*Хужалар тавы*”: это прокладка дорог, устройство пло-

Около “Монумента поклонения...”. Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник. 2005 г. Фото автора

шадок для транспорта, сооружение деревянной площадки для совершения намаза, туалетов, кабин для омовения, мест для заклания жертвенных животных, для разведения кострищ с целью приготовления пищи, столов со скамейками и навесами от непогоды и т.д. А украшением комплекса стала удобная для подъема на гору металлическая лестница-эстакада (444 ступени) с сиденьями для отдыха, у подножья которой, рядом с мощным родником, построили оригинальный фонтан, а на вершине горы – памятник единению людей трех вероисповеданий – “Монумент поклонения” (так названо это сооружение в буклете-путеводителе): круглый навес, под которым поместили, покрыв черной краской и прислонив друг к другу, три каменных глыбы. Эти камни, по замыслу создателей “монумента”, как бы являются олицетворением многовековой народной ритуальной практики, а именно символом “святости” этого места для представителей трех религий – ислама, христианства и язычества (татары, русские, крещенные татары-кряшены, чуваша, соблюдающие “старую – древнюю – чувашскую веру”).

23 июля 1997 г. состоялось торжественное открытие монумента, в котором приняло участие руководство республики. С тех пор это одно из популярных, активно посещаемых мест Закамья. С полным основанием можно говорить о переосмыслении целей посещения данной местности. Семьи с родными, друзьями, в том числе молодежные компании, приезжают сюда в погожие дни отдохнуть на лоне природы. Благо сейчас нет проблемы транспорта, а у многих имеются личные автомашины.

И все же не это главное. Процесс работы по благоустройству территории, в свое время широко освещавшийся в республиканских газетах, а также на радио и телевидении, в определенной степени пробудил интерес населения к этому месту, с одной стороны, как к исторически значимому, с другой – как именно “святому” с его знаменитым “Святым ключом”⁶. Кстати, правильный перевод с татарского, а татары говорят

“*Изгелэр чиимэсе*”, – “Источник святых”. Его появление связано с местом захоронения “святых”, поклоняться которым – *зиярат кылу* – приходят богобоязненные мусульмане. Бьющий из земли родник – это божественный дар как для утоления жажды, так и для омовения перед совершением намаза.

По справедливому замечанию исследователей, собственно мусульманским механизмом складывания культа святых был суфизм, который после монгольского нашествия становится в Средней Азии и Поволжье важной и даже преобладающей формой мусульманской жизни и мусульманского мировосприятия. Святыми стали реальные или мифические сподвижники (*асхаб*) Мухаммада. Святость мусульманских праведников не является их личной характеристикой, но есть нечто иное, а именно благословение и сила, излитые на них Аллахом и затем распространяющиеся на тех, кто благоговейно обращается к ним со своими бедами и нуждами (*Сибгатуллина* 2006: 665).

Наблюдения показывают, что сюда в удобное для себя время прибывают те, кто по какому-либо поводу дал зарок посетить это место, совершить жертвоприношение – *нэзер, нэзер корбаны*. Приезжают обычно с домочадцами и близкими родственниками. Я видела пожилых женщин, которые искренне радовались тому, что свершилась их давняя мечта: они не только побывали у ключа, но с “божьей помощью” смогли подняться на гору и увидеть всю красоту местности, за что благодарили Аллаха. Далеко не все совершают жертвоприношение, но абсолютное большинство привозит с собой чай и обед, который здесь можно согреть.

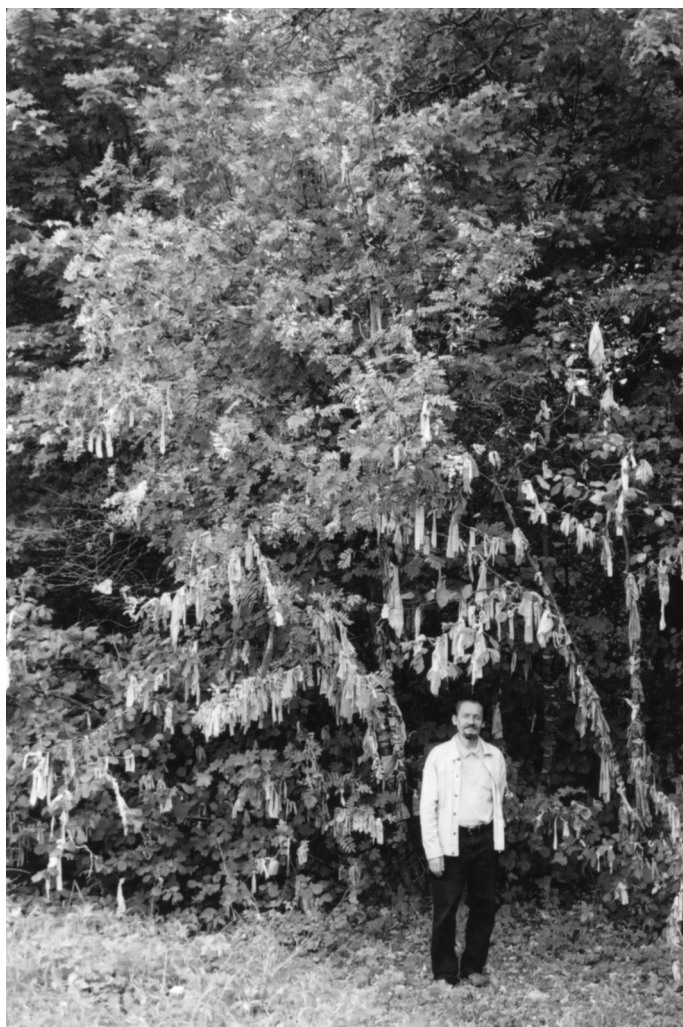
Особо следует подчеркнуть, что идет активный процесс народного “мусульманского” обрядотворчества.

При посещении данного комплекса бросается в глаза необычная картина. Во-первых, ветки кустарников, стволы деревьев вдоль всей дороги к вершине горы обвязаны разноцветными тесемками, ленточками, платками. Приходилось слышать, что это, якобы, дело рук язычников – чувашей, кряшен, хотя последние никогда себя язычниками не считали. Сама же я не раз видела, как это делали татары, в том числе считающие себя мусульманами, причем не только молодые, но и пожилые. Во-вторых, во время “Изге Булгар жыены” многие (особенно усердствовали в этом дети) старались воткнуть монеты в заметную щель между камнями в древних развалинах, так что ряд археологических памятников оказался утыкан этими монетами. В Биляре можно видеть таким образом “декорированные” искусственно поставленные природные камни на опушке леса, возле “Монумента поклонения”.

И, наконец, третий момент из этнографических наблюдений. В Биляре многие, достигнув вершины, начинали семикратный обход монумента, кидали в него камушки, которые имеются у его основания. (По словам зрителя, сюда привозили не одну машину щебня.) Возле монумента разбросаны монеты и бумажные деньги. Через какое-то время они исчезали: их, как правило, подбирали дети.

Подобное наблюдалось и в Болгарах. Там поднимавшиеся на площадку фундамента Соборной мечети начинали кружить вокруг каменного столба – сохранившейся части каменной колонны молельного зала, после чего отправлялись дальше. В какой-то момент появившийся здесь, как оказалось, русский студент Российского исламского университета (г. Казань), отчаянно жестикулируя, буквально в крик стал обвинять остановившихся в недоумении женщин в язычестве, идолопоклонстве, на какое-то время прервав это действо. По мере смены круживших вокруг столба обличения возобновлялись.

Интересно отметить, что в 2009 г. возле этого столба стояло несколько мужчин, вероятно, преподавателей медресе, которые фактически не давали возможности приблизиться к столбу, непрерывно объясняя людям, что кружить вокруг него, втыкать монеты глупо, поскольку это обыкновенный камень. Тем не менее вновь подходящие пытались дотронуться до него, а у его подножия лежали монеты. Некоторые женщи-

Обязанные тесемками и платками ветки кустарников и стволы деревьев. Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник. 2005 г. Фото автора

ны, вступая в спор с мужчинами, пытались услышать более подробное объяснение, желая понять, а что же нужно, а главное – можно делать, приехав сюда.

Зато свою потребность действия беспрепятственно смогли удовлетворить те, кто подходил к “Выставочному залу”. Там на низких постаментах выставлены археологические находки – фрагменты архитектурных украшений древних зданий. Пришедшие поочередно дотрагивались до них то одной, то другой рукой (“нужно обеими”, “следует произносить дога”, “надо загадать желание”, – слышала я пояснения). Там же стоял “ящик” для сбора средств, которые пойдут на нужды заповедника. Все те, кто таким образом обходил эти фрагменты, опускали в ящик *садака*. (По объяснению одной из женщин, только в этом случае твои пожелания и молитвы достигнут цели.)

Таковы этнографические детали стихийного процесса народного творчества не просто живой бытовой культуры, культуры повседневности, а непосредственно свя-

Полуденный намаз на “святой земле”. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. 2009 г. Фото автора

занной с “мусульманской” ее составляющей. Отношение к этому среди татарского мусульманского “духовенства” далеко не однозначно: среди убежденно осуждающих народ в “язычестве”, “идолопоклонстве” упоминавшийся выше студент не одинок. Судя по материалам XIX в., и тогда указные муллы неодобрительно относились к паломничеству к местным “святым”, усматривая в этом идолопоклонничество (Юнусова 1999: 234). Впрочем, М. Кемпер, анализируя труды видных мусульманских деятелей того времени, справедливо отметил, что каждый из них пытался распространить в мусульманских общинах *свои моральные представления*, причем в них всегда перевешивал элемент запрета, или, по меньшей мере, осторожности (Кемпер 2008: 124–125).

Как показывают современные этнографические исследования, запрет превалировал в высказываниях “мулл” всех рангов в первое десятилетие перестроенного времени, когда были сняты государственные ограничения на их деятельность (Уразманова 2006: 685–686). Бытует он и сейчас. Некоторые имамы мечетей в юго-восточных районах Татарстана высказывались неодобрительно о поездках в Болгар и Биляр. Например: *“Ни в Болгаре, ни в Биляре не был... Будучи в сане хазрата, ехать туда я боюсь... Аллаха... Народ может подумать: сам поехал, а нам запрещает. Хуже того, раз хазрат ездит, значит, и нам следует это делать... Но есть ли там необходимые условия для поклонения? Там кто-то, подражая чувашиам, вешает на деревья лоскутки тряпок, подобно язычникам... Но ведь это глупость... Некоторые даже говорят, что поездка туда – это вместо хаджа, ведь ехать в Аравию у нас нет денег”* (ПМА 2008а: 20). В ответ недоуменная реакция со стороны активных прихожан: *“Люди едут туда с добрыми намерениями, ведь это исторические места. И если эти места называем святыми, и, съездив туда, почитать там Коран, угоститься – разве народ этим совершает ошибку? А здесь говорят: нет, нельзя, это ошибка, нужно совершать хадж. Хадж – это одно, а поездка сюда – совсем другое. Совершающие хадж исполняют*

Место для намаза. Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник. 2005 г. Фото автора

важное дело – очень хорошо. Но и те, кто едет сюда, даже сомневающиеся в религии, возвращаются умиротворенными. А ведь это может послужить толчком к истинной вере. А здесь – нельзя, и все тут” (ПМА 2008б: 16).

Я, как этнограф, попыталась описать факты, явления народного быта татар последних лет, вернее, “действие”, “ритуал”, который воспроизводится участниками указанных событий. Попробуем их проанализировать.

В книге “Преодоление язычества” А.В. Полосин выделяет среди целей исполнения ритуала наряду с другими публичное признание (легитимизацию) своего нынешнего или нового статуса, а также морально-психологическое воодушевление участников. “Благодаря ритуалу, – пишет он, – достигается эмоциональный эффект символического вхождения его участников в минувшую или будущую реальность, условное единение с предыдущими поколениями” (Полосин 2001: 119). При этом, как отмечает автор, благодаря наличию символических жестов и действий ритуал является носителем информации... менее рациональной, чем книжная, но зато более образной и цельной, что для простых людей намного понятнее (Там же: 120). Будем иметь в виду и такой вывод исследователей: “Народные обряды, магические действия и их значения непрерывно движутся, изменяются, смешиваются, разрастаются в зависимости либо от социальной среды, либо от характеров отдельных лиц” (Богатырев 1971: 179). В этом плане интересна статья заместителя муфтия ДУМ РТ В. Якупова “Язычество, которого не было”. В ней он со знанием дела утверждает, что сохранившиеся у народа верования, поговорки, легенды не являются “неисламскими”, посещение могил упокоенных около этих гор – рядовой суфийский обычай, вполне находящийся внутри исламских представлений, а никак не вне их (Якупов 2005).

Первые два элемента ритуала, а именно “привязывание платков, ленточек” и “манипуляции с монетами (деньгами)”, – явления не новые и не оригинальные (сугубо

татарские) и связаны с суфизмом. Посвященных суфизму исследований (исторических, философских, этнографических, политологических и др.), в том числе истории его формирования, распространения, бытования, его значению в утверждении ислама, в частности, среди тюркских народов, достаточно много (*Абашин, Бобровников* 2003: 3–17; *Сызранов* 2006: 3–6). Убедительны выводы исследователей о том, что воздействию государственного атеизма и целенаправленной секуляризации советского времени успешно противостояли прежде всего местные формы бытования ислама. В Узбекистане, например, и не только там, своеобразные “материальные остатки” суфизма – мазары (некрополи), где захоронены крупнейшие суфийские лидеры, их последователи и другие (*аулия*), были теми “островками”, на которых местные жители еще достаточно свободно могли исполнять свои традиционные обряды и обычаи (*зий-арат, маулид* и др.) (*Бабаджанов* 2001: 332; Домусульманские... 1975).

Среди указанных выше работ есть и такие, где описываются ритуалы, действия, атрибуты. Это в основном историко-этнографические исследования, в которых, согласно установившейся в советское время традиции, сохранявшиеся ритуалы и атрибуты, как правило, называются “доисламскими”, а также “пережитками язычества”. Анализ же значимости их для самих участников отсутствует. Главное – дается описание конкретного явления бытовой культуры народа. Среди атрибутов обычно фигурируют различные “подношения” в виде привязываемых платков, полотенец, ленточек, а также монет, пищи и т.д. Словом, наиболее “житейское”, доступное для исполнения каждому. Так, А.В. Сызранов пишет: “Самый характерный отличительный признак могилы святого – повязанные на могилах ленточки (белого, зеленого, голубого, красного, желтого цветов) или платки и даже полотенца. Часто на надгробном сооружении или на примыкающих к нему шестах укрепляются небольшие флажки (*байраки*) из белой материи. Реже устанавливаются более крупные флаги (*туги*) зеленого и белого цветов. Около некоторых *ауля* растут священные деревья или кустарники... находится священное озеро – Тарат-кюль...” (*Сызранов* 2006: 18). Подобное “подношение” характерно для многих народов, в том числе разных по происхождению и вероисповеданию (*Вайнштейн* 1991: 234–235; *Столярова* 2006: 101).

Помимо привязывания разноцветных лоскутков, платков А.В. Сызранов отмечает “приношение даров, как правило, денег... закалывают жертвенных животных (баранов, уток и др.) и устраивают коллективную трапезу на ауля” (2006: 21). “Касимовские татары приходили на могилу муллы Хасана и оставляли на надгробном камне монеты. Татары-мишари с. Индерка Сосновоборского района Пензенской области до сих пор поклоняются святому Хазрят-бабакаю, на могиле которого принято оставлять монеты”, – пишет Ф.Л. Шарифуллина (2007: 98). Я сама не раз встречала оставленные деньги на могильных камнях “святых” во время этнографических экспедиций в районы Закавказья еще в 1970-е годы. В прошлом эти приношения забирали суфии, “смотрители гробниц (*астана караулче/караулце*), которые регулярно организовывали паломничества, поминания и ритуальные трапезы *астана ош* в память о погребенном святом” (*Селезнев, Селезнева* 2008: 367), а при их отсутствии, по словам информаторов, – убогие, сырые, “обделенные судьбой”. Посещение могил “святых” было сакральным действием, поэтому и к “присвоению подношений” относились с осторожностью.

Круговые же обходы “Монуумента поклонения” в Биляре, остатков колонны мольного зала древней мечети в Болгарах – явление относительно новое, но не оригинальное. Составная часть ритуала паломничества к мусульманским святым, как отмечает А.В. Сызранов, – “молитва у гробницы святого, которой нередко предшествуют *круговые обходы* (курсив мой. – Р.У.) вокруг святилища – имитация обхода паломниками Каабы в Мекке во время хаджа (обряд *таваф*)” (*Сызранов* 2006: 21).

Наблюдения, опрос посетителей благоустроенного Билярского комплекса, как и “булгарского джиена”, свидетельствуют о том, что “ленточки”, “монеты”, круговые

обходы “Монумента” и другие действия для большинства участников являются лишь элементами ритуала, главным образом *символом посещения, актом морально-психологического воодушевления участников, дающим эмоциональное удовлетворение от содеянного*. Исчезла сакральность и мест, и действ, но сохраняется потребность в воспроизведении определенных действий, атрибутов.

Обвинять же исполняющих эти действия в идолопоклонстве, язычестве, как это практикуют некоторые имамы, представители “образованного духовенства”⁷, у меня, исследователя-этнографа (в результате непосредственных наблюдений, опросов, бесед), нет никаких оснований. Ведь люди, совершающие указанные действия, осознанно делают это с именем Аллаха, произнося знакомые им молитвы (суры из Корана).

Материалы экспедиционного выезда в Биляр 2009 г. подтвердили наблюдения и выводы 2006 г. Конец мая, когда я там была, оказался временем организованного посещения данного места школьниками (в сопровождении учителей, родителей), учительскими коллективами. Были автобусы с сельскими библиотекарями, сотрудниками газеты “Шэһри Казан” и другими, в основном из районов Татарстана (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Заинск, Пестречинский, Лаишевский районы и др.). Прибыл автобус из Тольятти с обучающимися основам ислама при татарском культурном центре (девушки, женщины, мужчины). Индивидуальных посетителей было немного. По словам сотрудников заповедника, их поток начнется в июне. Ритуал посещения в целом тот же, с небольшими новшествами. Если по наблюдениям 2006 г. совершавшие круговые обходы бросали в “Монумент” камушки (пояснения исполняющих: “так делают в Мекке во время хаджа!”), то в 2009 г. этого не было, да и камушков у подножья “Монумента” не осталось. Зато делавшие обход проводили рукой по камням. Заметная светлая полоса на них свидетельствует о длительности по времени бытования и массовости участников этого действия. Продолжается процесс мифологизации, наполняющейся новым содержанием. Совершать круговые обходы, по мнению опрошенных, нужно для того, чтобы исполнилось загаданное желание, а их может быть несколько. Расходились мнения о количестве обходов – от 7 до 40, причем некоторые заявили: “на каждое – загаданное желание”.

Яркое свидетельство стихийности процесса народного обрядотворчества – отсутствие жестких, обязательных для исполнения предписаний. Мой опрос участников о цели посещения и ритуальных действий нередко завершался ответным вопросом “А как надо?” и готовностью услышать и принять “правильное толкование”. Интересно отметить особую активность в следовании ритуалу школьников, старательно привязывающих ленточки к веткам молодых елок, посаженных возле “Монумента” (кстати, зрители не успевают срезать эти ленточки!), втыкающих монеты в щели камней, дружно кружащих вокруг “Монумента”. Судя по их разговорам друг с другом, далеко не все представляют, для чего все это делается.

Часть посетителей обливалась водой из родника – у кабинок и в этот раз была очередь. Объяснения: “Хорошо снимает стресс”, “закаляешь”, “для здоровья, ведь вода целебная”, “просто так, интересно!” и т.д.

Абсолютное большинство даже тех, кто организованно, на автобусах приезжает сюда, экскурсию по территории заповедника не заказывает. Поэтому затруднена элементарная разъяснительная работа. По словам директора заповедника, “обилеченных” экскурсантов в 2008 г. было чуть больше 8 тыс., фактически же прибывших – не менее 100 тыс.

Территория возле источника активно осваивается коммерческими организациями. Появились торговые павильоны, строится кафе. Частные предприниматели ведут уличную торговлю “мусульманской атрибутикой”, сувенирами, в том числе с видами “Святого ключа”.

Таким образом, территория возле “Святого ключа” становится все более посещаемой, причем не только татарами. Под руководством своего “духовенства” снова стали регулярно проводить моления чуваша из окрестных деревень (соблюдающие “старую

чувакскую веру”). Под руководством священника возобновились молебны у источника по православным праздникам. А на крестный ход ежегодно приезжают сотни паломников из соседних областей и республик. И только среди татар продолжается стихийный процесс популяризации этого “священного места” – *изге урын* (с точки зрения как исторической, так и религиозной, мусульманской) – со стихийным же процессом и ритуализации, и мифологизации.

Примечания

¹ Содержание этой “проповеди” сводится к констатации событий, связанных со временем приезда в раннесредневековое тюркское государство – Волжскую Булгарию – миссионеров из Багдадского халифата и последовавшим затем объявлением ислама государственной религией, преподносимой с определенной идеализацией “первого в Европе исламского государства – государства Булгар” (см.: *Галлямов 2007*: 101).

² Такбир – произнесение молитвенной формулы “Аллаху акбар” (пер. с араб. “Аллах велик”). Многократный такбир – одна из характерных особенностей мусульманского культа (Краткий религиозно-этнографический... 2000: 178).

³ По данным 2008 г., прибывших накануне было около 3 тыс. человек, а в празднике участвовало 13 тыс. (*Минхаж 2008*). По данным же председателя Всемирного конгресса татар – около 17 тыс. (ПМА 2008).

⁴ Жанр мунаджатов – “один из самых проникнутых идеологией ислама, где ярче всего отразились исламские идеи о жизни и смерти, основные жизненные принципы, выраженные в столпах веры... В них воспеваются отношение человека к судьбе, к Творцу, к долгу и привязанностям родителей и детей, верность памяти о близких. В условиях насаждаемого атеизма был под запретом” (*Садекова 2001*: 3–5).

⁵ Из интервью с Р. Закировым – председателем Всемирного конгресса татар. (ПМА, 2008).

⁶ Интересно отметить, что источник почитают “святым” и православные районы Закамья – русские, чуваша, татары-кряшены. По одной из легенд русского населения Билярска, из церкви таинственным образом исчезла икона, которую увидела плавающей в озере девушка-татарка, убиравшая на лугу сено. Попыталась вытащить икону, но она заговорила человеческим голосом: “Если хочешь поимать, прими христианскую веру. Тогда я дам себя словить и больше из церкви не убегу”. Услышав это, девушка крестилась и превратилась в великую святую. Тут она прожила свою жизнь и была похоронена под горой “Хужалар тауы”. Из-под горы забил ключ. Говорят, что этот ключ – слезы той святой (*Хузин 2004*: 64–65).

⁷ Появилась еще одна “богословская работа” недавнего ливанца, а ныне российского подданного Камали Эль Занта “Расскажи мне о вере”, приписываемая современным татарам очередную небыллицу. Как отмечает Фарид хазрат Салман, оказываемая, мы совершаем Хадж в Булгары, у нас есть какой-то особый “святой” Хыдр Ильяс, который выходит из могилы (!) и помогает тем, кто у него что-то просит... “В общем, мы неправильные, и ислам у татар не тот” (*Салман 2009*: 200–201).

Источники и литература

Абашин, Бобровников 2003 – *Абашин С.Н., Бобровников В.О.* Соблазны культа святых (вместо предисловия) // *Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе* / Сост. С.Н. Абашин. В.О. Бобровников. М., 2003.

Бабаджанов 2001 – *Бабаджанов Б.* Возрождение деятельности суфийских групп в Узбекистане // *Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования)*: Сб. ст. памяти Фритца Майера. СПб., 2001.

Басилов 1970 – *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М., 1970.

Басилов, Снесарев 1986 – *Басилов В.Н., Снесарев Г.П.* Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М., 1986.

Богатырев 1971 – *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Вайнштейн 1991 – *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Галлямов 2007 – *Галлямов Г.* Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // *Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход*. Сарго; М., 2007.

- Домусульманские... 1975 – Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Завгарова* 2007 – *Завгарова Ф.Х.* Типология сюжетов почитания культового камня у татар Закавказья // Татар халык ижаты. Фэнни эзлэнүләр хэм фольклор урнәкләре. Казань, 2007.
- Кемпер* 2008 – *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.
- Маузузато* 2007 – *Маузузато К.* Предисловие // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. Slavic Research Center Hokkaido University: РОССПЭН, Sapporo; Москва, 2007.
- Минхаж* 2008 – *Минхаж Р.* Дине торгызасы юк. Аксаучылар, егылучылар без узебез // Ватаным Татарстан. 2008. 14 июня.
- Мусина* 2001a – *Мусина Р.Н.* Этноконфессиональные особенности и факторы формирования гражданской идентичности // Федерализм в России. Казань, 2001.
- Мусина* 2001b – *Мусина Р.Н.* Мусульманская идентичность как форма “религиозного национализма” в контексте этносоциальных процессов и этнополитической ситуации в Татарстане // Ислам в Евразии. М., 2001.
- Мухаметшин* 2003 – *Мухаметшин Р.* Татары и ислам в XX в. Казань, 2003.
- Мухаметшин* 2006 – *Мухаметшин Р.* Конфессиональный компонент этнической идентичности татар на современном этапе // Казанский федералист. 2006. № 4 (20).
- Мухарьямов* 2003 – *Мухарьямов Н.М.* Республика Татарстан: исламский фактор в политическом процессе // Политический процесс в постсоветской России: федеральный и региональный аспект. Казань, 2003.
- ПМА 2008 – Полевые материалы автора. Казань, 2008 г.
- ПМА 2008a – Полевые материалы автора. Лениногорск, 2008 г.
- ПМА 2008b – Полевые материалы автора. Альметьевск, мечеть “Зиннур”, 2008 г.
- Полосин* 2001 – *Полосин А.В.* Преодоление язычества. Введение в философию монотеизма. М., 2001.
- Рахимов* 2006 – *Рахимов Р.Х.* Астана в истории сибирских татар: мавзолей первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006.
- Рычков* 1770 – *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769–1770 гг. СПб., 1770.
- Садекова* 2001 – *Садекова А.Х.* Идеология ислама и татарское народное творчество. Казань, 2001.
- Салман* 2009 – *Салман Ф.* Будущее татарского ислама // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. Казань, 2009.
- Сибгатуллина* 2006 – *Сибгатуллина А.* Религиозно-суфийские мотивы в татарской литературе // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006.
- Селезнев, Селезнева* 2008 – *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Тюрмитакская Астана (к изучению культа святых в Сибирском исламе) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск, 2008.
- Столярова* 2006 – *Столярова Г.Р.* История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнограф. обозрение. 2006. № 2. С. 96–115.
- Сызранов* 2006 – *Сызранов А.В.* Святые места мусульман Астраханского края. Астрахань, 2006.
- Тарзиманов, Рахим* 1928 – *Тарзиманов Ф.В., Рахим А.* Хузялар Тауы // Вестн. научного общества татароведения. 1928. № 8.
- Татарско-русский 2007 – Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т. 1. Казань, 2007.
- Татары 2001 – Татары. (Сер. “Народы и культуры”.) М., 2001.
- Татары Среднего... 1967 – Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
- Уразманова* 2000 – *Уразманова Р.К.* Быт нефтяников-татар Юго-востока Татарстана (1950–1960-е гг.). Альметьевск, 2000.
- Уразманова* 2001 – *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. (Годовой цикл XIX – нач. XX вв.): Историко-этнографический атлас. Казань, 2001.
- Уразманова* 2006 – *Уразманова Р.К.* Ислам и обрядовая система у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006. С. 685–686.
- Хузин* 2004 – *Хузин Ф.* Древний Билляр и его окрестности. Казань, 2004.
- Шарифуллина* 2007 – *Шарифуллина Ф.Л.* Культ предков у Волго-Уральских татар // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2007.

Юнусова 1999 – Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

Якупов 2005 – Якупов В. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань, 2005.

Якупов 2005 – Якупов Валиулла-хазрат. “Язычество, которого не было” // Звезда Поволжья. 2005. 29 дек. – 13 янв.

R.K. Urazmanova. Symbiosis of the Ethnic and the Confessional in the Contemporary Culture of the Tatar

Keywords: festivities, Islam, worship, saints, sacred, sacrifice, repentance, clergy, ritual, Muslims, unification, prayer, reserve, fairs

The article examines the issue of formation and modes of existence of novel phenomena in the public life and festive culture of the Tatar living in the European part of Russia. The author focuses on a number of well-known archaeological sites of the Volga Bulgar period in the West Kama region of Tatarstan. She analyzes the tradition of visiting the sacred sites, which was characteristic of most of the Turkish/Muslim world and is now regenerated through the process of rethinking certain phenomena. This process, the author notes, is further accompanied by spontaneous “Muslim” rite reconstruction.

ЭО, 2010 г., № 2

© С.А. Абдулкаримов

СПОРТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ОТ ТРАДИЦИИ К ТРАДИЦИОНАЛИЗМУ

Ключевые слова: Спортивная культура, традиции, общества, телесные практики, состязания, игры, традиционные занятия, единоборства, традиционный спорт, развитие, изменения, организованный спорт, культуры

В условиях глобализации этнокультурные традиции в обществе не только не утрачивают своего значения, но более того, на фоне цивилизационного противостояния культурных ценностей их роль продолжает усиливаться. Традиционный спорт, как достаточно гибкий и динамичный компонент этнической культуры, выступает в качестве одного из наиболее наглядных тому подтверждений и, будучи неотъемлемой частью народной культуры, способствует воспроизводству, сохранению и развитию этнических образований, укрепляет социально-культурные связи с прошлым и служит одним из показателей проявления культурной идентичности в обществе.

Отличаясь от современного спорта по характеру и содержанию, традиционный спорт, как его составляющая основа, имеет самую тесную связь с ним. Многие виды организованного спорта когда-то были традиционными, и различные народы в процессе социально-культурной эволюции внесли свой вклад в формирование того спортивного движения, которое мы наблюдаем сегодня. Однако не все виды спортивных практик стали современными. В чем причина этого? И вообще, что такое традиционный спорт сегодня и каким он был вчера? Какие функции он выполнял в прошлом и какое место занимает в народных культурах в нынешнем состоянии? И, наконец, каковы перспективы развития традиционного спорта в будущем? На эти, как и другие вопросы, автор пытается дать ответ в предлагаемой статье.

Истоки традиционного спорта

Спортивная, или “телесно-поведенческая» культура восходит к самым ранним этапам человеческой истории (Арутюнов 1979: 28–29). Ее формирование связано со сложными процессами взаимодействия природно-географических, экономических и социально-культурных условий развития общества. С давних времен физическая под-